

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ

ДЕТСКИЙ МИР

**СОВЕТЫ ПСИХОЛОГА
РОДИТЕЛЯМ**

Сергей Степанов

**Детский мир. Советы
психолога родителям**

«Автор»

Степанов С. С.

Детский мир. Советы психолога родителям / С. С. Степанов —
«Автор»,

«В юности, когда ты бодр и преисполнен энтузиазма, мир кажется восхитительным и прекрасным, полным блестящих возможностей и ярких впечатлений. Вот только сварливые взрослые постоянно докучают своими нравоучениями и запретами. Вокруг растущего человека они соорудили целый частокол из предрассудков, сквозь который так и хочется вырваться на волю. Лишь с годами человек осознает: прежде чем ломать забор, стоит поразмыслить – зачем его поставили. Ибо то, что поначалу кажется преградой, на самом деле является опорой. Повзрослевший человек на свой лад начинает укреплять частокол вокруг идущей ему на смену молодой поросли. И так – из века в век...»

© Степанов С. С.

© Автор

Содержание

О времена, о нравы!	5
Обретение жизни, или «Травма рождения»?	7
Миф о детской сексуальности	11
Невинный Эдип	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Степанов

Детский мир. Советы психолога родителям

О времена, о нравы! *Вместо предисловия*

Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек.
(Древнеегипетский папирус. 2 тысячи лет до нашей эры)

Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен. Младое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру.
(Ассирийская клинопись. X век до нашей эры)

Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна.
(Гесиод, древнегреческий поэт. Конец VIII века до нашей эры)

Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие.
(Сократ, древнегреческий философ. V век до нашей эры)

Молодые люди полагают, что они естественны, тогда как на самом деле они просто дурно воспитаны и грубы.
(Франсуа де Ларошфуко, французский мыслитель. XVII век)

В юности, когда ты бодр и преисполнен энтузиазма, мир кажется восхитительным и прекрасным, полным блестящих возможностей и ярких впечатлений. Вот только сварливые взрослые постоянно докучают своими нравоучениями и запретами. Вокруг растущего человека они соорудили целый частокол из предрассудков, сквозь который так и хочется вырваться на волю. Лишь с годами человек осознает: прежде чем ломать забор, стоит поразмыслить – зачем его поставили. Ибо то, что поначалу кажется преградой, на самом деле является опорой. Повзрослевший человек на свой лад начинает укреплять частокол вокруг идущей ему на смену молодой поросли. И так – из века в век.

Во все времена подрастающее поколение давало старшим повод для недовольства. Но это не значит, что каждое новое поколение хуже предыдущего. Будь это так, человечество давно бы выродилось. А оно, напротив, стремится ввысь. И каждое новое поколение вносит свой вклад в обогащение мировой науки и культуры. Правда, не переводятся и жалкие людишки, которые во все времена вырастают из юных оболтусов. Никчемные юнцы были и во времена Сократа, и во времена Ларошфуко. Есть они и сейчас. Но не ими измеряется достоинство поколения.

Дети не хуже нас, хотя и отличаются от нас – тем, что они молоды. Как бы мы ни старались, мы не удержим их от повторения тех глупостей и безрассудств, которые совершали сами (хотя и постарались об этом забыть). Дети обязательно совершат много ошибок, набьют себе много шишек. Ведь это – единственный способ повзрослеть! Правда, буйствовать и дурачиться они будут на свой лад, раздражая нас своими манерами и повадками. А потом за то же самое станут упрекать своих детей.

Мы сможем с ними поладить, только если постоянно будем об этом помнить, отличать настоящие ростки порока от болезней роста.

Человек бывает плох. Человек бывает юн. Это вовсе не одно и то же. Плохого человека можно пытаться исправить. Юный «исправится» сам. Ведь молодость – это тот недостаток, который неизбежно проходит с годами. Хотя, честно говоря, порою бывает жаль, что проходит слишком быстро, и нас в нем уже не упрекнешь...

(Сергей Степанов, психолог. Начало третьего тысячелетия)

Обретение жизни, или «Травма рождения»?

В возрастной психологии издавна бытует понятие «кризис новорожденности». В связи с этим возникает вопрос: неужели человеческая жизнь начинается с кризиса? Само слово «кризис» в переводе с греческого означает переломный этап в развитии. Но в данном случае возникает новый вопрос: о каком переломном этапе может идти речь? Ведь жизнь начинается с рождения, до этого момента человека просто не существует!

А вот с этим утверждением едва ли можно согласиться. До рождения человеческий организм проходит этап внутриутробного созревания. Существуют разные мнения о том, является ли еще не родившийся ребенок человеком. Точка зрения христианских богословов на сей счет однозначно положительная. Вследствие этого аборт расценивается как тяжкий грех – равновидность убийства. И такая позиция характерна не только для христианского мира. Например, в Монголии срок жизни человека исчисляется с момента зачатия.

Медики, говоря о внутриутробном развитии, избегают слова «ребенок», а тем более «человек», отдавая предпочтение понятию «плод». Тем не менее объективные медицинские наблюдения позволяют заключить, что существо, находящееся в утробе матери, не есть неодушевленный кусочек материи. Оно живет, развивается, чувствует и с каждым днем все более активно реагирует на воздействия окружающей среды. И в этом смысле правы те, кто говорит о жизни до рождения.

Мать, вынашивая ребенка, с трепетным вниманием прислушивается ко всякому проявлению его жизнедеятельности. Она не может не заметить, что комочек плоти у нее под сердцем отзывается на многие события, происходящие во внешнем мире. Например, замечено, что громкая ритмичная музыка приводит его в возбуждение и заставляет беспокоиться, а мягкая мелодичная – кажется, наоборот, приносит умиротворение. Настроение матери тоже сказывается на его состоянии. Если мать встревожена, огорчена, раздражена – ребенку, похоже, это не по вкусу.

Из подобных наблюдений родилась целая научно-практическая концепция – пренатальная (дородовая) педагогика. Суть ее вытекает из очевидных фактов. Если ребенок, пускай еще и не родившийся, способен реагировать на определенные стимулы, то необходимо обеспечить ему такие стимулы, которые благоприятно сказывались бы на его состоянии и развитии. Тем более, что уже в утробе матери он обретает определенный опыт, который впоследствии скажется на всей его жизни. Значит, надо позаботиться, чтобы это был положительный опыт.

Соответственно разработан целый набор рекомендаций, как беременной женщине следует себя вести, какие книги читать, какую музыку слушать и т. п.

Как и большинство оригинальных теорий, пренатальная педагогика содержит рациональное зерно, однако, будучи доведена до крайности, кажется подходом спорным. Ее приверженцы склонны переоценивать способности плода к восприятию и усвоению внешних стимулов. Действительно, уже новорожденный ребенок демонстрирует поразительную способность узнавать голоса близких, в первую очередь – матери. Это свидетельствует о том, что воспринимая их на всем этапе дородового развития, он успел с ними свыкнуться и освоиться. Но из этого, наверное, не следует, что всякая информация, дошедшая до него на этом этапе, играет важную роль в становлении его психики. Реакции плода еще очень обобщенные и примитивные.

Сама по себе идея создания плоду наилучших условий развития, безусловно, верна. Не следует только заострять ее до абсурда.

Будущая мама, которая вслух читает Гомера в надежде, что ее отпрыск вырастет ценителем классической литературы, заслуживает лишь добродушной иронии. Конечно, подобная забота о культурном развитии ребенка, если она будет иметь место и далее – после его рожде-

ния, непременно скажется впоследствии. Но тут решающую роль сыграет все-таки не дородовое стимулирование, а создание благоприятной воспитательной атмосферы.

Можно восторгаться практикой дородового «воспитания» или с негодованием отвергать ее, однако очевидно: родители, заботящиеся о развитии ребенка еще до его рождения, скорее всего окажутся хорошими воспитателями и много дадут ребенку, когда он появится на свет. А позитивные результаты можно будет объяснить и предварительной «подготовкой». Впрочем, позитивный результат ценен сам по себе и не требует объяснений...

А если женщина в пору беременности не может отказаться от сигареты, позволяет себе выпить рюмку спиртного, а ее общение с близкими протекает в основном на повышенных тонах, – понятно, что и ныне, и в будущем забота о ребенке не является для нее первостепенной. Нетрудно представить, в какую воспитательную атмосферу попадет новорожденный. И где тогда искать объяснения отклонений в его развитии и поведении?

Рекомендации о том, какой образ жизни следует вести во время беременности, в основном разработаны медиками. И женщине, заботящейся о полноценном развитии своего ребенка, надо этих рекомендаций придерживаться. Особую роль играет психологический настрой будущей матери. И об этом должен позаботиться отец ребенка, все близкие. Ну и, конечно, тяжелый рок в эту пору лучше не слушать. Стоит ли слушать Чайковского? Безусловно, если он вам нравится. Это, может быть, и не приведет к тому, что ваш наследник станет музыкантом-виртуозом, однако его развитию точно не повредит.

А каковы же те объективные условия, в которых пребывает человеческий организм до рождения? Сама природа мудро позаботилась о том, чтобы эти условия были максимально благоприятными. Жизнеобеспечение плода не является предметом его заботы, все необходимое он получает из организма матери. Именно поэтому медицинские рекомендации о рациональном питании беременной женщине надо соблюдать неукоснительно, ибо ее неполноценное питание чревато искажениями в развитии плода (не говоря уже об опасностях алкогольной или никотиновой интоксикации).

Можно сказать, что до определенного момента плод пребывает в условиях полного блаженства. Температурный режим его существования стабильный и удобный: окружающая его среда той же температуры, что и его тело. Плавая в околоплодной жидкости, он обеспечивается кислородом за счет единой с матерью системы кровообращения. Правда, поначалу ничем не стесненный, он со временем начинает испытывать стеснение: организм растет, а окружающая среда – нет. Наступает момент, когда приходится покинуть удобное лоно. Это и есть критический этап развития, чреватый необходимостью перехода к новому состоянию.

Что же происходит в момент появления ребенка на свет? Отрываясь от организма матери, он теряет с ним природную связь и попадает в условия, резко отличающиеся от тех, в которых он существовал прежде. В известном смысле, эти условия – менее благоприятные, и погружение в них болезненно. Не привыкший к ощущению своего веса, ребенок из жидкой среды попадает в воздушное пространство. И сила тяготения наваливается на него громоздким грузом. На органы чувств, ранее получавшие лишь приглушенные стимулы, обрушиваются потоки звуков, света, прикосновений. Температура окружающей среды вдруг мгновенно снижается. А кислород вместе с кровью матери больше не поступает, приходится самому делать первые обжигающие вдохи.

Вот как образно живописует эту перемену психолог Е. В. Субботский: «Вы говорите, ада не существует? Но он есть, и не там, не за порогом жизни, а в ее начале. Что если нас нагими поместить в холодильник вниз головой, заполнить пространство едким дымом, а затем ослепить прожекторами под громовые раскаты взрывов?»

А ведь именно нечто подобное испытывает новорожденный. Так происходит его первое столкновение с действительностью. И это болезненное столкновение. Согласно трактовке Зигмунда Фрейда, все становление человека – это череда болезненных столкновений с враждеб-

ными условиями. Верный ученик и последователь Фрейда Отто Ранк развил эту идею. Ему принадлежит концепция так называемой травмы рождения. Ранк полагал, что отрыв от организма матери и погружение в неблагоприятную внешнюю среду – самое сильное травмирующее переживание в веренице жизненных испытаний. И именно травма рождения определяет последующие негативные стороны нашей психической жизни. Человек вечно бессознательно стремится туда, откуда был вытолкнут, в благодатное материнское лоно. Но возврата нет, и это порождает всевозможные невротические расстройства. Правда, сам Ранк, посвятивший разработке этой темы многие годы, впоследствии признал, что довел фрейдистскую идею до абсурда. Да и сам Фрейд о теории Ранка отзывался скептически.

Тем не менее эта теория по сей день имеет явных и неявных сторонников. Так, Фредерик Лабуайе посвятил целую книгу описанию процедуры родов, которая минимально травмирует входящего в мир ребенка. Лабуайе рекомендует отсекал пуповину не сразу, а по прошествии 4–5 минут, чтобы дыхание нормализовалось постепенно. Он советует принимать роды в полумраке, соблюдая при этом тишину и еще целый ряд условий, снижающих уже описанных шок. Надо, правда, признать, что рекомендации Лабуайе для подавляющего большинства родителей носят отвлеченный характер. Ибо современная техника приема родов даже в самых обеспеченных медицинских учреждениях основывается совсем на иных правилах. Так что дети, которым еще предстоит родиться, появятся на свет так же, как и многие поколения их предков. Что, впрочем, едва ли очень плохо. Все мы родились «по старинке», но немало среди нас людей уравновешенных, благополучных, счастливых, несмотря на пресловутую травму рождения. Поэтому, наверное, не надо преувеличивать негативное влияние первичного шока и сваливать на него всю вину за последующие недостатки воспитания.

Еще одна разновидность «безболезненных» родов – роды в воде. Этот подход находит в последние годы немало сторонников. Они утверждают: выход из жидкой среды обитания должен происходить постепенно, тогда он не приводит к серьезной травме. В развитие этого подхода сформировалось целое движение «Плавать раньше, чем ходить». Один из его инициаторов в нашей стране свой первый опыт поставил на собственной дочери. Этот опыт был продиктован жестокой необходимостью: девочка родилась недоношенной, и для нее создание комфортных условий было вопросом выживания. Проведя первые месяцы жизни в воде, девочка прекрасно развилась физически. Это дало повод рекомендовать столь радикальные «водные процедуры» в качестве едва ли не чудодейственного стимулятора развития ребенка. Впоследствии это движение приобрело даже некоторую мистическую окраску (что зачастую сопутствует всевозможным концепциям совершенствования человека).

О плавании младенцев можно спорить. Несомненно одно – развивающий и закаливающий эффект подобных процедур. Безусловно – в том случае, если они проводятся людьми, имеющими необходимую подготовку, ибо дилетантизм здесь смертельно опасен. Но наше сознание склонно к крайностям. Кое-кто видит в плавании панацею от всех проблем. Такой подход, наверное, все-таки является преувеличением.

Что же касается родов в воде, то это тоже вопрос дискуссионный. Если родители столь привержены модной идее, что готовы опробовать ее на себе, не надо им препятствовать. Важно только, чтобы были соблюдены все необходимые гигиенические условия. Но вряд ли стоит расценивать их шаг как рождение совершенного человека будущего. Скорее всего ребенок, вынырнувший из материнского чрева в ванну, а то и в Черное море (именно там проводит свои ритуалы эта радикальная секта), не избежит многих проблем, с которыми предстоит столкнуться каждому входящему в этот мир. И его, и его сверстника, который появляется на свет в обычном роддоме, ждут серьезные испытания на жизненном пути. Каким человеком он станет, зависит от того, как он научится справляться с этими испытаниями, а не от того, подстелили ли ему соломку на первых шагах.

Таким образом, кризис новорожденности – явление закономерное, естественное и неизбежное. Мы можем пытаться его смягчить, но это едва ли решит главную проблему нового человека, пришедшего в мир, – проблему обустройства в этом мире. Ведь в материнское лоно, действительно, нет возврата. И иллюзии здесь не помогут. Есть мир, в котором предстоит жить. И задача родителей – помочь ребенку обрести свое место в этом мире.

Между прочим

Стресс в наследство

Послеродовая депрессия, от которой страдает каждая пятая роженица, может отрицательно сказаться на состоянии здоровья младенца, выяснили американские ученые. Находясь в таком состоянии, женщины уделяют недостаточно внимания малышу или, наоборот, изматывают его повышенной опекой. Медики также обнаружили у пребывающих в послеродовой депрессии матерей и их детей повышенное содержание кортизола – гормона стресса. Его высокий уровень в первые месяцы жизни может привести к тому, что в будущем эти дети будут подвержены депрессии и бессоннице.

Миф о детской сексуальности

Сегодня уже никто не спорит, что секс в нашей стране все-таки есть. После долгих лет стыдливого замалчивания и последовавшего затем бурного всплеска откровенности отношение к этому предмету почти утратило нездоровый оттенок. Пожалуй, единственная тема, которая продолжает вызывать острую полемику, – это так называемая детская сексуальность.

Интерес ученых к этой теме возник на рубеже веков. Книга немецкого доктора Альберта Моля «Половая жизнь ребенка» произвела в те годы эффект разорвавшейся бомбы. Но подлинную революцию в этом вопросе ознаменовало создание Зигмундом Фрейдом теории детской сексуальности.

Идеи Фрейда получили во всем мире, а теперь и у нас, широкое распространение и, увы, поверхностную, не совсем верную трактовку. Благодаря ей ребенок предстает эдаким монстром, который с малых лет озабочен кровосмесительными фантазиями и эротическим играм. А такое понимание детской сексуальности далеко от истины.

Видный последователь Фрейда французский психоаналитик Пьер Дако подчеркивает: детскую сексуальность нельзя отождествлять с отправлением половой функции, так как сама эта функция в детском организме еще не оформилась. Ребенок не может стремиться к половому удовлетворению, поскольку до этого просто не созрел. Поведение ребенка действительно с малых лет определяется его принадлежностью к своему полу и в этом смысле имеет половую окраску. Именно в таком значении следует говорить о детской сексуальности, а акцентирование эротических моментов было бы неоправданным преувеличением.

Но как же объяснить такие особенности детского поведения, как сексуальные интересы, эротические игры, наконец – онанизм?

Действительно большинство детей еще в дошкольном возрасте проявляют повышенный интерес к половой сфере, к проблеме деторождения и т. п. Впрочем, детям вообще свойственна повышенная любознательность – для них это средство познания окружающего мира. Их интересует буквально все, в том числе и «это». То есть сексуальный интерес ребенка по сути составляет компонент общего познавательного интереса. «Куда садится солнце?», «Почему дует ветер?», «Откуда берутся дети?» – для ребенка это вопросы одного порядка. Обострение интереса к половой сфере действительно может иметь место. Но, как правило, оно бывает спровоцировано самими взрослыми. Ведь почти на любой вопрос родители спокойно отвечают, а вопросы, касающиеся пола, часто вызывают у них смущение, негодование, стремление уклониться от ответа. Не будем забывать, что теория Фрейда сложилась в эпоху пуританских нравов, когда «нездоровый» детский интерес принято было строго пресекать. Сегодня, когда существует даже детская энциклопедия сексуальности, многие родители легко находят на любые детские вопросы вполне приемлемые ответы. И, как выясняется, детский интерес, будучи адекватно удовлетворен, не приобретает нездоровой окраски и часто вообще сходит на нет.

Значит, следует говорить ребенку правду? Да, следует. И пусть это никому не покажется странным, противостественным, неуместным. На детские вопросы необходимо отвечать. Главное – как. Ответы типа «Мал еще...» проблему не решают, а наоборот усугубляют. Попытки перевести разговор на другую тему – вариант в принципе подходящий, но трудно осуществимый; ребенка такой прием едва ли устроит, и он скорее всего вернется к своему вопросу. Байки про аиста, капусту и покупку детей в магазине могут на короткое время разрядить ситуацию. Однако вскоре ребенок так или иначе узнает, что был неуклюже обманут, и это надолго подорвет его доверие к родителям как к источнику достоверной информации. Суть в том, чтобы, говоря ребенку правду, донести ее не всю, а ту часть, которую он в меру

своего разума способен адекватно воспринять. Конечно, и выражения при этом должны быть доступные ребенку.

В информировании детей по вопросам пола важно не «перегнуть палку», не торопиться донести до малыша сведения, его еще не касающиеся и не интересующие. Информация, трудно доступная пониманию, может породить совершенно ненужные размышления и фантазии, а может и травмировать ребенка. Соответствующие вопросы он сам задаст рано или поздно. В большинстве случаев, по мнению родителей, – даже слишком рано, но тут, однако, никогда не бывает «слишком» – если интерес появился, он требует удовлетворения. И он не должен заставить родителей врасплох, подходящие ответы надо заранее продумать или отыскать в научно-популярной литературе. А вот насколько полезна такая литература самому ребенку, даже если ему она и адресована, – вопрос спорный. По крайней мере, прежде чем усесться читать с сыном или дочерью новомодную энциклопедию, родителям следует сначала самим с ней ознакомиться и решить, отвечает ли она их моральным представлениям, да и уровню развития их чада.

Детский познавательный интерес лежит и в основе так называемых эротических игр. Не секрет, что многие дошкольники удовлетворяют свой интерес к строению человеческого тела, играя в «докторов», в «папу и маму» и т. п. Внешне такие игры действительно производят впечатление сексуальных манипуляций: тут и обнажение, и интимные прикосновения, и т. п. Но и в этой ситуации негодование взрослых едва ли уместно. Удовлетворение интереса наступает быстро, и подобные игры сами собой сходят на нет. Если же детей за этот «разврат» стыдить и наказывать, то в результате можно получить тот самый нездоровый акцент, который пугает взрослых. Гнев родителей может лишь подогреть интерес, уже почти удовлетворенный и исчерпанный. Поэтому преследовать такие игры не стоит, в привычку они наверняка не войдут. Взрослым надо лишь занять детей чем-то не менее интересным. И уж, разумеется, недопустимы акценты на сексуальной стороне ситуации. Кстати характерно, что если в семье есть дети разного пола, не сильно различающиеся по возрасту, и они имеют возможность увидеть друг друга обнаженными в будничной бытовой обстановке, то их подобные игры вообще ничуть не увлекают.

Что касается мастурбации, то о сексуальной окраске этого явления речь можно вести лишь начиная с подросткового возраста, то есть по мере приближения к половой зрелости. (Некоторые авторы употребляют более привычный термин «онанизм», однако он относится лишь к мальчикам, а привычка стимулировать свои половые органы встречается и у девочек; для обоих полов это явление обозначается как мастурбация). Если «нездоровая страсть» появляется в более раннем возрасте, но в этих случаях она имеет характер навязчивой привычки наподобие сосания пальца или грызения ногтей. Эта привычка может иметь невротическую природу, тем более если строго преследуется взрослыми. Чаще всего она наблюдается у тех детей, кто с младенчества воспитывался жестко, строго, чрезмерно требовательно, либо у тех, кто испытал явный дефицит внимания со стороны родителей. Такие дети подолгу оставались одни в постели, их редко брали на руки и не укачивали, если они плохо засыпали. Рано отлученные от материнской груди, они не нашли удовлетворения и в соске, которую тоже вскоре отобрали.

В условиях недостатка ласки и впечатлений ребенок, предоставленный самому себе, испытывает скуку или страх и ищет успокоение и отвлечение в немногих доступных ему действиях: манипулирует частями своего тела, сосет палец или губу, теребит волосы, ухо, нос, наконец – половые органы. Вначале он прибегает к подобным действиям потому, что отсутствует мать. Когда же обеспокоенная мать появляется рядом и спешит отвлечь его от навязчивых занятий, она уже не привлекает его внимания: он занят сам собой. Так происходит перестройка всей жизненной ориентации малыша. Изначально он стремится к притоку внешних впечатлений и положительных эмоций. Если мать рядом, она удовлетворяет эту потребность.

Если же ее нет рядом, то развитие ребенка не просто затормаживается, а как бы возвращается во внутриутробный период. Ребенок сам себя утешает и успокаивает, источник впечатлений также ищет в самом себе. Дурная привычка становится необходимым ритуалом самоуспокоения, отвлечения от страхов и беспокойства, компенсацией недостатка общения.

Нежные прикосновения материнских рук, поцелуи как бы предусмотрены природой в сложных механизмах созревания ребенка. Самостимуляция в виде сосания пальцев, губ, в том числе и мастурбации возникает как эквивалент естественной стимуляции у тех детей, которым недостает прикосновения любящих рук. Такая самостимуляция может перерасти в привычку и растянуться на долгие годы.

Если привычка сформировалась, родители должны бороться с нею, с привычкой, а не с ребенком. Прямолинейная настойчивость при этом только раздражает малыша и провоцирует конфликты. Наказания и запугивания могут привести к исчезновению внешних симптомов. Однако за подобным «излечением» всегда лежит тяжелое потрясение, так что психологические последствия принятых мер могут оказаться тяжелее устраненной привычки.

Избавление от мастурбации требует времени едва ли не большего, чем то, которое ушло на ее становление. В основе возникновения такой привычки лежит недостаток внимания к ребенку, и для ее устранения этот недостаток необходимо терпеливо восполнять. Увлекая ребенка интересными занятиями, общаясь с ним, родители помогают ему изжить те глубинные внутренние переживания, которые породили неприятные действия. Борьба с мастурбацией – это всегда борьба с тревожностью, неуверенностью, пессимизмом, но уж никак не с «порочными наклонностями».

Обобщая сказанное, можно с уверенностью утверждать, что если так называемая детская сексуальность не будет подстегнута неосмотрительным поведением родителей, то данная проблема сама по себе не возникнет, ибо не имеет в детском возрасте абсолютно никаких внутренних природных источников.

Воспитание, безусловно, не должно быть «бесполом». То есть детей с малых лет следует воспитывать как мальчиков или как девочек, будущих мужчин и женщин. Но именно будущих, не торопясь приписывать им то, до чего им еще предстоит дозреть.

Невинный Эдип

Еще совсем недавно авторы популярных книг и брошюр сетовали на психологическую неграмотность родителей, которая порождает ошибки и затруднения в воспитании детей. В последние годы положение стало меняться, и сегодня мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией, которая, однако, тоже по-своему настораживает. Среди родителей все больше становится таких, кто следит за психологической литературой, особое внимание уделяя ранее недоступным источникам. Наспех ознакомившись с входящими в моду теориями, методами и понятиями, иные родители торопятся примерить их на своего ребенка и делает при этом поспешные, неточные, а порой и недопустимые выводы.

Среди психологов особенно «повезло» Зигмунду Фрейду, имя которого долгие годы находилось у нас под полуофициальным запретом и чьи труды в последние несколько лет лавиной выплеснулись на книжные прилавки. Одно из центральных понятий фрейдизма – Эдипов комплекс – сегодня знакомо (по крайней мере на слух) очень многим. И немало родителей стараются разобраться, есть ли злосчастный комплекс у их ребенка и как с ним бороться.

Для начала разберемся, кто такой Эдип. Согласно древнегреческому мифу, так звали мальчика, который родился в семье фиванского царя Лая. Еще до рождения ребенка оракулы предрекли Лаю, что тот погибнет от руки собственного сына. Поэтому по приказу отца слуги унесли младенца из дворца и бросили его на верную смерть в пустынной местности. Ребенок, однако, не погиб, а был подобран и воспитан совершенно чужими людьми, которых до поры считал своими родителями. Повзрослевшему Эдипу каким-то образом открылось касавшееся его пророчество, и он в испуге покинул дом, не желая, чтобы оно сбылось. Судьба (по мнению древних греков, неумолимая и всесильная) столкнула его на дороге с незнакомцем – Лаем, которого он и убил в результате завязавшейся ссоры. Позднее неподалеку от города Фивы ему удалось совершить чудесный подвиг и уничтожить чудовище, наводившее ужас на горожан. Восторженные фиванцы провозгласили Эдипа царем, и по заведенной традиции он женился на вдове Лая, не подозревая, что его родная мать. История на этом не закончилась и имела немало печальных последствий, что, однако, для нас уже не так важно.

Миф об Эдипе получил неожиданную трактовку в трудах Фрейда. Для Фрейда центральной движущей силой поведения человека выступали глубинные неосознанные влечения, сексуальные по своей природе. Поскольку такие влечения считаются недопустимыми, для них не находится места в сознании и они «вытесняются» оттуда в сферу бессознательной психики, продолжая тем не менее влиять на мироощущение и поведение человека. Фрейд считал, что у мальчиков формируется комплекс Эдипа в результате вытеснения в раннем детстве влечения к матери и соответственно враждебности к отцу как к сопернику. Девочкам свойственен аналогичный комплекс Электры (по имени героини еще одного мифа); это совокупность враждебных чувств к матери, которые обусловлены ревностью к сопернице, мешающей безраздельно владеть отцом.

Важным понятием в фрейдистской схеме выступает так называемая «первичная сцена», когда ребенок в совсем еще нежном возрасте в той или иной форме впервые сталкивается с фактом интимной близости родителей. По мнению Фрейда, «первичная сцена» имеет место в жизни каждого человека, причем производит настолько ужасающее, травмирующее впечатление, что поспешно вытесняется из сознания в глубины бессознательной психики.

Но для понимания взаимоотношений родителей и ребенка наиболее существенно даже не это. Согласно фрейдистской доктрине, детско-родительские отношения изначально амбивалентны, окрашены противоречивыми чувствами, причем мать и отец выступают для ребенка в совершенно разных ролях, и сам ребенок матерью и отцом воспринимается совершенно по-разному. Поскольку речь в данном случае идет не просто о психическом, а о психо-сексуальном

развитии, то и эти отношения следует рассматривать едва ли не в эротическом ключе (впрочем, если быть верным духу и букве первоисточника, то почему – едва ли?) Это соответственно накладывает отпечаток на роль сына или дочери как представителей разных полов.

Для мальчика мать изначально выступает первым и главным либидозным объектом, все его последующие отношения с противоположным полом будут неявно реализовывать те сексуальные влечения, которые впервые возникли по отношению к матери. И для матери сын является воплощением идеала мужчины, которому не в состоянии соответствовать ни один реальный муж, в том числе ее собственный. Именно поэтому впоследствии любая невестка будет ею встречена с тайной, деликатно скрываемой (даже от самой себя), а чаще – совершенно откровенной и явной неприязнью. Тандем мать-сын представляет собой тесный эмоциональный союз, эротическая форма которого жестко табуирована социумом и потому надежно вытеснена из сознания обоих.

(Замечательной иллюстрацией к житейскому восприятию этого извращенного сюжета служит американская комедия «Анализируем это». В ней криминальный авторитет обращается за помощью к психоаналитику. После вскрытия соответствующих эдипальных мотивов, он с негодованием вопрошает: «Ты че, братан, имеешь в виду, что я хотел ... свою маму?» Напуганный аналитик робко оправдывается: «Это не я, это Фрейд». «Козел он, твой Фрейд!» – следует бесхитростный ответ. Правда, впоследствии мафиозо упрекает аналитика: «Что ты со мной сделал? Я же теперь маме позвонить стесняюсь!» Вообще, фильм великолепный – психолог в нем увидит намного больше обычного зрителя.)

Соответственно, отец выступает разрушителем этого тандема и потому воспринимается сыном как нежелательный соперник. Отношения с ним всю жизнь будут окрашены скрытой враждебностью и глубоко вытесненным страхом, борьбой за недопущение в сознание древнего мотива отцеубийства. Только смерть отца окончательно освобождает мужчину от инфантильного комплекса, хотя и это событие воспринимается амбивалентно – это и ликование в связи с избавлением от грозного соперника, и неизбежное чувство вины, связанное с социально табуированными агрессивными импульсами.

Для девочки эта ситуация отражается зеркально: отец – либидозный объект и мать – соперница. Соответственно, имеет место эмоциональный тандем отец-дочь, который, если верить фрейдистам, чуть ли не в каждой семье выливается в прямой инцест. И для матери взрослеющая дочь служит постоянным напоминанием о ее собственном женском увядании, и потому их отношения окрашены скрытой враждебностью. Впрочем, будущему зятю, как и невестке, не позавидуешь. На него теща станет бессознательно проецировать неудовлетворенность отношениями с противоположным полом, которую небезопасно направлять на собственного мужа. Ну а для тестя зять будет неявно выступать «обидчиком» дочери.

Разумеется, конкретный «расклад» в каждой семье не исчерпывается этим описанием, однако в целом, согласно фрейдистскому подходу, основные (причем универсальные) тенденции именно таковы. Для аргументации этой теории приводятся конкретные жизненные примеры, которые весьма убедительны и кажутся бесспорными. Наблюдая ту или иную семью, легко может подметить в ней хотя бы некоторые черты описанного «расклада», что многих заставляет хотя бы частично солидаризироваться с фрейдистской доктриной.

Впрочем, надо отметить, что многие специалисты не согласны с Фрейдом. Еще в 1920-е годы английский антрополог Бронислав Малиновский (в ту пору ревностный фрейдист), изучая культуру примитивных обществ на островах Новой Гвинеи столкнулся в весьма специфическими проявлениями Эдипова комплекса. Начать с того, что для местных аборигенов, в отличие от западной культуры, половые отношения представляются настолько органичными и естественными, что их и не принято особо скрывать. Существует, правда, институт моногамного брака, то есть социально приемлемыми считаются только половые отношения мужа и жены, однако они в буквальном смысле не скрыты никакими покрывами, в том числе и от

их собственных детей. «Первичная сцена» в данном случае выступает как обыденное явление, то есть совершенно утрачивает травматическую окраску. (Небезынтересно, что культурные запреты в этом обществе касаются совсем другой сферы – питания. Есть принято в одиночку или в кругу близких; быть застигнутым посторонними за этим «интимным» занятием считается крайне неприличным.)

Специфическое явление данной культуры – особая роль отца, которая фактически сводится лишь к зачатию ребенка. Согласно принятым традициям, в воспитании собственных детей отец никакого участия не принимает. Он, конечно, с ними общается, но совершенно «на равных». Реально отцовскую роль исполняет дядя – родной брат матери, который, разумеется, никаких интимных отношений с нею не имеет. Наблюдается экзотическое распределение ролей: отец живет половой жизнью с матерью, причем фактически на глазах у детей, а воспитывает детей другой мужчина.

И в этой необычной ситуации Малиновскому удалось наблюдать нечто подобное Эдипову комплексу. Привязанность сыновей к матери в самом деле имела место, а вот тщательно подавляемая неприязнь адресовалась вовсе не ее половому партнеру – отцу, а дяде! Настороженность, враждебность, порой переходящая в агрессию (но при этом, повторим, глубоко укрытая в подсознании) адресовалась носителю определенной – директивной – социальной роли, тому, кто был вправе приказывать, вынести строгую оценку и даже наказать. А вот какая бы то ни было сексуальная подоплека этого явления совершенно не просматривалась. Так может быть, ее и нету вовсе?!

Иного, отличного от фрейдистского подхода к детско-родительским отношениям придерживается Эрих Фромм, которому также не откажешь в проникательности. (Его концепция менее известна, чем фрейдистская, но также весьма популярна.) Анализируя разные формы любви, Фромм приходит к выводу о существовании двух типов родительской любви к детям – любви материнской и отцовской. Отцовская любовь более взыскательна и справедлива: ребенка любят за его достоинства и заслуги – не больше, но и не меньше. Материнская любовь безусловна, ей чужда объективность. Мать любит ребенка только за то, что он у нее есть, независимо от того, красив он или неказист, сообразителен или бестолков... (*Невольно вспоминается еще один блестящий фильм – «Форест Гамп». Одна из его сюжетных линий – трогательная любовь одинокой матери к умственно отсталому сыну-инвалиду. Ее постоянное назидание: «Запомни, Форест, – ты ничем не хуже других!» Кстати, еще один сюжетный поворот связан с инцестом – поклон доктору Фрейду!*) Разумеется, формула Фромма относится скорее к идеальным типам, реальное родительское поведение располагается в некотором промежутке между ними.

По мнению Фромма, с которым трудно не согласиться, любой человек для нормального развития нуждается и в материнской, и в отцовской любви. Любой крен в сторону одного типа любви – материнской или отцовской – ведет к искажению мироощущения и нарушениям поведения. В самом деле, каждому из нас жизненно необходимо, чтобы хоть кто-то любил нас просто так, ни за что, такими, какие мы есть. Но, с другой стороны, если никто не укажет мне на мою слабость и не поощрит за реальные достижения, то как же мне узнать себе цену? Необходимо получать «позитивное подкрепление» за какие-то достоинства и успехи, иначе могу ли я быть уверен, что они у меня есть?

С этим подходом отчасти перекликается концепция стилей семейного воспитания, многократно воспроизведенная в разных источниках без указания авторства, а реально восходящая к идеям Альфреда Адлера (который, кстати, порвал с Фрейдом из-за несогласия с его апологией сексуальности). В разных работах под разными названиями фактически выделяются три основных стиля семейного воспитания, которые можно определить как авторитарный, либерально-попустительский и демократичный. С известными оговорками, отцовский тип родительской любви можно соотнести с авторитарным типом воспитания – в том и другом

случае имеет место обусловливание любви исполнением родительских ожиданий и требований, то есть ребенок хорош, если он «хорошо себя ведет». Материнский тип любви условно можно связать с либерально-попустительским стилем – как бы ребенок себя ни вел, он все равно хорош. Понятно, что идеалом выступает «золотая середина» – демократичный стиль, чуждый полярных крайностей.

Данная концепция, хотя она, как и любое обобщение, требует уточнения в конкретных случаях, легко подтверждается многочисленными жизненными примерами. Проанализировав конкретную ситуацию, можно установить, к какому воспитательному стилю тяготеет та или иная семья.

Использование любого из этих подходов, каждый из которых, безусловно, содержит рациональное зерно, позволяет кое-что понять в специфике того или иного конкретного случая социализации с его проблемами и «заусенцами». Беда в том, что ни один подход, по-своему уязвимый для критики, не позволяет исчерпывающе проанализировать конкретный случай, неизбежно сужает рамки психологического анализа (не путать с психоанализом!). А что если попробовать, опираясь на бесспорные аспекты каждого подхода, найти их перекличку и взаимосочетание, с тем чтобы найти новый подход – пускай тоже не исчерпывающий, но по крайней мере более продуктивный?

К. Г. Юнг (которому сексуальная акцентуация Фрейда претила настолько, что и он с ним разошелся) поучал своих последователей: «Внимательно изучайте теории, но при столкновении с конкретным человеком отбрасывайте их все, потому что ему необходима своя теория». Но такая индивидуальная теория может сложиться только на основе изученных и отброшенных, другого материала для нее нет. Попробуем же с опорой на классические теории, а также на собственный житейский опыт продвинуться чуть дальше в понимании механизмов семейной социализации.

Помню, несколько лет назад, пытаясь уладить очередную ссору сына и дочери (антагонизм брата и сестры – явление столь же обыденное, сколь и мало изученное, еще одна неисчерпаемая тема для психологических изысканий), я столкнулся с провокационным вопросом, который бесхитростно задал мне маленький сын: «Скажи, папа, кого ты больше любишь – меня или Лизу?» Тогда мне показалось, что я нашел очень удачный ответ: «А ты, сынок, какую свою руку больше любишь – правую или левую?» Ответ оказался отнюдь не самым удачным, ибо мой левша быстро нашелся: «Честно говоря, левую, ведь я все ей делаю». Пришлось импровизировать дальше: «Ну, а какая рука сильнее болит, если ее поранить?» Судя по возникшему замешательству, морализаторский эффект был наконец достигнут. Но в моей собственной душе этот диалог породил противоречивые чувства, ибо высветил внешне не очевидный факт – при том что за обоих «душа болит» одинаково, отношение все-таки разное. И впоследствии мне довелось столкнуться со множеством примеров, когда самые разные люди (как с родительской, так и с детской позиции) подтверждали: отношение отца (и матери) к своим детям не одинаково, более того – похоже, подчиняется определенной закономерности, которая в свою очередь сильно напоминает фрейдистскую конструкцию. Иными словами, вопрос: «Кого ты больше любишь?» – однозначного ответа не имеет, однако и отец, и мать любят сына и дочь по-разному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.